

— Третий принц велел тебе принести? — Линь Ду удивился. Линь Цзинь любил сливовые пирожные не из-за вкуса, а потому что обожал цветы сливы — любимое перешло и на угощение. Но Линь Сюнь такие пресные сласти на дух не переносил. В коробке и так места мало, для любимого едва хватало — зачем же класть то, что не любишь?

Линь Цзинь наконец оторвался от свитка и устремил взгляд на Линь Сюня, ожидая ответа.

Линь Сюнь кивнул.

— А третий принц знает, что третий брат это любит? — спросил Линь Ду.

Линь Сюнь закусил губу. Откуда ему знать, знал принц или нет? Он помотал головой.

— Тогда зачем он велел тебе это нести? Не думаешь же ты, что он знает, что ты любишь? — Линь Ду был озадачен.

Цэнь Цзибай отличался необычайной внимательностью. Из троих принцев, считая и погибшего, он был самым загадочным. По словам Линь Сюня, на осенней охоте третий принц так опекал их третьего брата: когда у того начался озноб, он сам нёс его на руках, снял свой плащ и укутал, беспокоясь до слёз. Когда они вернулись в лагерь и Линь Цзинь очнулся, принц тотчас помчался к нему, да ещё, опасаясь, что Линь Сюнь помешает выздоровлению, забрал его к себе в палатку... Линь Ду не хотел верить и половине, но Линь Сюнь клялся, что видел всё сам, — значит, правда. Но как же тогда этот странный принц столько дней не навестит?

Третий принц всегда вёл себя скромно и учтиво. Пусть принцу негоже покидать дворец без причины, но из вежливости навестить следовало бы... А он не навестил. Но если он специально приготовил пирожные — это уж совсем странно.

— Он на меня обиделся, — предположил Линь Сюнь. Он избегал третьего принца — наверное, тот рассердился. Но если принц рассердится, станет ли он помогать с уроками? Линь Сюнь поразмыслил и решил: больше принца избегать не стоит — помощь в этих заумных заданиях ему необходима. Он кивнул, утвердившись в решении. И даже пирожные от принца теперь смотрелись приветливее.

Не помыв рук, он отломил кусок сладкого пирожного с финиковой начинкой, один отдал старшему брату, другой откусил сам. Линь Ду снова стукнул его по голове.

— Ты!.. Старший брат, глянь на него!.. Матушка говорила: по голове бить — дураком станешь, — проворчал Линь Сюнь, и голос его, пропитанный сладостью, звучал уже не так обидно.

Старший брат Линь усмехнулся и покачал головой, не придавая значения невымытым рукам. С детства в армии служил — какие уж там церемонии. Даже сейчас он вернулся в Линъян лишь потому, что отец, отправляясь в дальний поход на Суйчжоу, беспокоился: в доме не останется хозяина, ведь госпожа Линь слишком мягка, а Линь Ду слаб здоровьем.

— Не больно, — сказал он, доставая ещё кусок сушёного творога.

— Дураком станешь! — настаивал Линь Сюнь.

Линь Юань потрепал его по макушке.

— Не станешь.

— Он и так дурак, — Линь Ду снова стукнул брата по голове, взял его за руку и повёл из комнаты Линь Цзиня. Линь Юань, захватив коробку с угощением, последовал за ними. На пороге Линь Ду обернулся:

— Ты отдыхай, не засиживайся.

Линь Цзинь откликнулся и снова погрузился в чтение.

Спустя некоторое время Линь Цзинь вдруг рванулся, смахнул свиток на пол, и тарелка с пирожными грохнулась следом. Звон разбитой посуды привлёк слугу. Юноша поспешно распахнул дверь.

— Господин?..

Линь Цзинь даже головы не поднял, схватил другую книгу и начал листать её, будто ничего не произошло.

— Уронил. Прибери.

Линь Сюнь, вернувшись домой, помчался напрямик к Линь Цзиню и матери ещё не повидался. Линь Юань отправился в свой двор упражняться в боевых искусствах, а Линь Ду повёл Линь Сюня к матери. Вечерний осенний ветер набирал силу, становилось холодно. Линь Ду, идя против ветра, закашлялся. Линь Сюнь, примерившись, понял, что пятнадцатилетний Линь Ду на голову его выше. На сердце стало тоскливо, но вскоре он воспрял духом.

— Второй брат, подожди несколько лет, вот вырасту — и буду тебя от ветра заслонять!

Линь Ду рассмеялся, прикрыв рот, чтобы не наглотаться холодного воздуха. Отсмеявшись, он легонько щёлкнул Линь Сюня по лбу.

— И вправду дурак.

Линь Сюнь надулся и, не говоря ни слова, повёл Линь Ду под руку к материнским покоям. Почти у самых ворот он остановился.

— Я тоже дурак, — тихо сказал Линь Ду.

Линь Сюнь не понял, но брат продолжил:

— Впредь поменьше упоминай при третьем брате третьего принца. Ему это неприятно.

Линь Сюнь удивился.

— Почему? Кому неприятно?

Линь Ду тихо вздохнул.

— Просто... не упоминай больше.

После ухода Линь Сюня Цэн Цзибай наконец-то отвязался от Сун Сяоси и вернулся в Чертог Цзиншу. Он жил в боковом флигеле, но сначала должен был навестить госпожу Чжоу.

При свете ламп госпожа Чжоу казалась ещё прекраснее, но было в ней уже не то, что в первые годы после свадьбы. Правитель Ся Цэн Гуан взял её в жёны на второй год правления — тогда

государь был полон сил и задора. Юная госпожа Чжоу всем сердцем прилепилась к правителю, пуская в ход все уловки, дабы удержать его благосклонность. Много лет провела она во дворце, положение отвоевала, но государь теперь редко жаловал её покои. Правитель старел, и госпоже Чжоу казалось, что стареет и она, — а ведь ей всего-то тридцать, и смириться с этим не получалось.

Своим ребёнком она Цэнь Цзибая не считала. Мать его едва не лишила её положения, и, чем больше мальчик походил на ту женщину, тем неприязненнее становилось к нему сердце госпожи Чжоу. Она не вкладывала в него ни души — кормилицы, слуги, лекари... И вот ребёнок вырос. Для госпожи Чжоу это означало лишь одно: она стареет. А своих детей у неё не было — всё, чего она добилась, должно было отойти Цэнь Цзибаю.

— Матушка, — Цэнь Цзибай преклонил колени.

— Дитя моё, целыми днями пропадаешь. Неужели матери не уделишь времени? — Госпожа Чжоу подняла его, и в её жестах была вся нежность матери, ждущей дитя.

В душе Цэнь Цзибая вспыхнула усмешка, но на лице десятилетнего отрока отразилась смущённая вина.

— Матушка, сын не смел бы... но государь-батюшка повелел присматривать за Сун Сяоси, и я...

— Ладно, ладно, — госпожа Чжоу похлопала его по плечу. — Понимаю, тебе нелегко. Но с семьёй Сун будь осторожен.

Цэнь Цзибай почтительно склонил голову.

— Не извольте беспокоиться, матушка. Наставления ваши сын в сердце сохранит.

«Осторожнее всего мне следует быть с тобою», — подумал он.

Госпожа Чжоу была честолюбива. В прошлой жизни, не имея своих детей, она замыслила сместить Цэнь Цзибая и самой стать правительницей царства Ся. Но повсюду встречала сопротивление, да и политическим талантом не блистала, так что сил накопить не сумела.

Цэнь Цзибай знал о замыслах госпожи Чжоу и её рода, желал их обуздать, но царство Ся в те времена и так трещало по швам, новых потрясений оно бы не выдержало. Вместе с Линь Цзинем он осторожно строил планы, как потихоньку подточить могущество семьи Чжоу, — и в итоге погубил Линь Цзиня. А ещё их с Линь Цзинем ребёнка, который не успел родиться...

И вот, проживая жизнь заново, он снова должен быть её сыном, снова разыгрывать спектакль о материнской любви и сыновней почтительности... Цэнь Цзибай изо всех сил сдерживал желание прикончить эту жестокую женщину.

Он стоял, опустив голову, и госпожа Чжоу не видела его лица. Довольная, она улыbnулась и подозвала двух слуг. То были юноши лет семнадцати-восемнадцати, стройные, подтянутые — сразу видно, боевым искусствам обучены.

— Отныне они будут при тебе. Так мне спокойнее будет.

Цэнь Цзибай помнил этих двоих. В прошлой жизни госпожа Чжоу тоже их приставила. Одного звали Цин Цзюнь, другого — Син Ин. Повзрослев, он не захотел, чтобы при нём всегда были люди матери, и впоследствии от них избавился. Эти двое позже стали любовниками госпожи

Чжоу, но какие у них с ней были отношения сейчас — неизвестно...

— Благодарю матушку, — Цэнь Цзибай почтительно поклонился. — Извольте отдохнуть пораньше.

И, забрав с собой Цин Цзюня и Син Ина, удалился в боковой флигель.

<http://bllate.org/book/15933/1423846>